

Алгоритм вдохновения

Каждый знает, что вдохновение — неотъемлемая составляющая творческого труда, но никто не скажет наверняка, что оно, собственно, такое.

Самый опытный психолог вряд ли бы исчерпывающе объяснил нам суть этого чуда, но и объяснив, умножил бы число скептиков.

Зато пищей для вдохновения исполнен весь белый свет. Можно поехать в далёкие страны или остаться дома, можно полюбить или увидеть чужое счастье, смотреть на звёзды или жмуриться от яркого солнца — всё может стать вдохновляющей подпиткой поэзии.

Вдохновения не ищут обычные люди: им дана способность любить, и они пользуются ею, как могут, но чудесному преобразению творческого человека всегда хочется найти объяснение. Всем напихивается творческая душа, а что же дальше? Переходит ли она в отрешённую задумчивость, обретает ли волнение? Вдохновение — это минута, или час, или более времени, за которое открывается небесный портал, посылая поэту божественное озарение мыслью, словом, образом?

У кого бы и узнавать мнение на этот счёт, как не у поэта поэтов.

Александр Сергеевич Пушкин, вот в чьих стихах следует искать ответы и разгадки. Выражаясь образно, вдохновение — встреча с ветреной своеправной музой. Её приход есть разрешение творческой муки, рождение музыки стихотворения.

Муза

В младенчестве моём она меня любила
И семистольную цевницу мне вручила.
Она внимала мне с улыбкой — и слегка,
По звонким скважинам пустого тростника,
Уже наигрывал я слабыми перстами
И гимны важные, внушённые богами,
И песни мирные фригийских пастухов.
С утра до вечера в немой тени дубов
Прилежно я внимал урокам девы тайной,
И, радуя меня наградою случайной,
Откинув локоны от милого чела,
Сама из рук моих свирель она брала.
Тростник был оживлён божественным дыханьем
И сердце наполнял святым очарованьем.

Творение стиха на то и таинство, чтобы свершаться без постороннего ока. Из стихотворения «Разговор книгопродавца с поэтом»:

Я был далёко:
Я время то вспоминал,
Когда, надеждами богатый,
Поэт беспечный, я писал
Из вдохновенья, не из платы.
Я видел вновь приюты скал
И тёмный кров уединенья,
Где я на пир воображенья,
Бывало, музу призывал.
Там слаще голос мой звучал;
Там доле яркие виденья,
С неизяснимою красотой,
Вились, летали надо мной
В часы ночного вдохновенья!..

Из стихотворения «Деревня»:
Приветствую тебя, пустынный уголок,
Приют спокойствия, трудов и вдохновенья,
Где льется дней моих невидимый поток
На лоне счастья и забвенья.
Я твой: я променял порочный двор цирцей,
Роскошные пиры, забавы, заблуждения
На мирный шум дубров, на тишину полей,
На праздность вольную, подругу размышленья.

Красиво, возвышенно, безмятежно, напоминает древнюю Элладу во времена, когда на землю запросто сходили боги, да и «рецепт» вдохновения знакомый: уединение на лоне живописной природы, «подруга размышленья» — праздность, и, кажется, вот-вот потекут стихи могучей полноводной рекой...

«Рецепт» известный, да не всё просто с вдохновением в том же стихотворении «Деревня»:
Я здесь от суетных оков освобожденный,
Учуся в истине блаженство находить,
Свободно душой закон боготворить,
Роптанью не внимать толпы непросвещенной,
Участьем отвечать застенчивой мольбе
И не завидовать судьбе
Злодея иль глупца — в величии неправом.
Оракулы веков, здесь вопрошаю вас!
В уединенье величавом
Слышнее ваш отрадный глас.
Он гонит лени сон угрюмый,
К трудам рождает жар во мне,
И ваши творческие думы
В душевной зреют глубине.

К тому же оказывается, что у великого поэта не всегда за поэзию отвечает озорная удручная дева. Случается, к перу зовёт демон, некий гений, далеко не благодетель. Из стихотворения «Разговор книгопродавца с поэтом»:

Всё волновало нежный ум:
Цветущий луг, луны блистанье,
В часовне ветхой бури шум,
Старушки чудное преданье.
Какой-то демон обладал
Моими играми, досугом;
За мной повсюду он летал,
Мне звуки дивные шептал,
И тяжким, пламенным недугом
Была полна моя глава;
В ней грёзы чудные рождались;
В размеры стройные стекались
Мои послушные слова
И звонкой рифмой замыкались.

Горячие душевные терзания провоцируют муки творчества, и на свет появляются горькие покаянные стихи, стон души:

Воспоминание
Когда для смертного умолкнет шумный день
И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда,
В то время для меня влчатся в тишине
Часы томительного бденья:
В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья;
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток;
И с отвращением читаю жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалеюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

Многим впечатляясь, многое переживая и оценивая, поэт рано или поздно осознаёт, что не просто пишет — он призван. Он избран для важного, вечного, иначе зачем муки, зачем дар? Поэт должен служить, нести миссию. Нет ничего плохого в воспеании женских глаз, природы и безыскусной жизни, но сила образного слова ещё зачем-то просыпается в мятущейся душе и преобразует её в момент вдохновения.

Из стихотворения «Осень»:

X
И забываю мир — и в сладкой тишине
Я сладко усыплен моим воображеньем,
И пробуждается поэзия во мне:
Душа стесняется лирическим волненьем,
Трепещет, и звучит, и ищет, как во сне,
Излиться наконец свободным проявленьем —
И тут ко мне идёт незримый рой гостей,
Знакомцы давние, плоды мечты моей.
XII
И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы лёгкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо — к бумаге,
Минута — и стихи свободно потекут...

Поэт

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен;
Молчит его святая лира;
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснётся,
Душа поэта встрепенётся,
Как пробудившийся орёл.
Тоскует он в забавках мира,
Людской чуждается молвы,
К ногам народного кумира
Не клонит гордой головы;
Бежит он, дикий и суровый,
И звуков, и смятенья полн,
На берега пустынных волн,
В широкошумные дубровы...

Готовность поэта следовать за вдохновением по сколь угодно трудному творческому пути выражается и в отношении к условностям мира, его мнимым и истинным благам и ценностям.

Из «Пиндемонти»:

...Никому
Отчёта не давать, себе лишь самому
Служить и угождать, для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам
И пред созданными искусством и вдохновеньем
Трепещая радостно в восторгах умиления.
— Вот счастье! вот права...

Поэту

Поэт! не дорожи любовью народной.
Восторженных похвал пройдёт минутный восторг;
Услышши суд глупца и смех толпы холодной,
Но ты останься твёрд, спокоен и угрюм.

Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечёт тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.

Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд;
Всех строже оценить умеешь ты свой труд.
Ты им доволен ли, взыскательный художник?

Доволен? Так пускай толпа его бранит
И плюет на алтарь, где твой огонь горит,
И в детской резвости колеблет твой треножник.

Как ребёнок, учась ходить, пытается стоять без опоры, как птенец пробует крылышки в первых недолгих полётах, так и поэт пробует силу слова и силу собственного духа (одного без другого не бывает). И однажды наступает такой творческий период, когда да не муза ему в тиши напеваёт светлые мотивы, а поэт воспитывает музу в духе своего мировоззрения. Из стихотворения «Памятник»:
Велью Божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

Квинтэссенцией взаимоотношений поэта с призраком, вдохновением, творческой работой стало пушкинское стихотворение «Пророк». Оно написано в середине жизни поэта, в 1826 году, а кажется итогом долгого и многогранного творческо-

го труда. Но ведь вдохновение на то и чудо, чтобы не встраиваться в закономерности роста и развития личности...

Так что же получается? Мы пришли к тому, с чего начали: вдохновение — чудо? Пытаюсь разрешить эту загадку с помощью поэзии, мы не спросили самого поэта, а ответ Александра Сергеевича известен.

Он писал: «Вдохновение есть расположение души к живейшему восприятию впечатлений и быстрому соображению понятий, следовательно, и объяснению оных. Вдохновение нужно в поэзии, как и в геометрии. Критик смешивает восторг с вдохновением. Нет; решительно нет. Восторг исключает спокойствие, необходимое условие прекрасного. Восторг не предполагает силы ума, располагающей частями в их отношении к целому. Восторг непродолжителен, непостоянен, следовательно, не в силе произвестись истинное великое совершенство — (без которого нет лирической поэзии)».

Вот оно что. Вдохновение — не божественное наитие, а способность к анализу, кропотливой работе со смыслом слова, по точности приближающейся к геометрии! Вдохновение приводит поэта не столько в состояние душевного волнения, сколько к умению оттачивать поэтическую мысль до совершенства.

Но далее Александр Сергеевич сообщает ещё более удивительные вещи. Он пишет: «...ода стоит на низших ступенях — не говоря уже об эпосе, трагедии; поэма, комедия, сатира все более её требуют творчества воображения — гениального знания природы. Но плана в оде нет и не может быть — единый план «Ада» есть уже плод высокого гения. Ода исключает постоянный труд, без коего нет истинно великого... Есть высшая смелость. Смелость изобретения, создания, где план обширный объёмлет творческую мыслью...»

Пожалуйста, уже и план (стратегия и тактика стиха?). Такого понимания вдохновения трудно ожидать от поэта, но вот поди ж ты... Впрочем, посыл общезвестен: без труда нет великого, нет прекрасного.

К чему же должно быть приложено вдохновение, чтобы получилось великое (прекрасное)? Что по этому поводу думает Александр Сергеевич? Судя по стихам, это искренность, простота и целомудрие.

Из стихотворения «К моей чернильнице»:

Заветный твой кристалл
Хранит огонь небесный;
И под вечер, когда
Перо по книжке бродит,
Без вялого труда
Оно в тебе находит
Концы моих стихов
И верность выраженья;
То звуков или слов
Нежданное стеченье,
То едкой шутки соль,
То правды слог суровый,
То странность рифмы новой,
Неслыханной дотоле.
С глупцов сорвав одежду,
Я весело клеймил
Зоила и невежду
Пятном твоих чернил...
Но их не разводил
Ни тайной злости пеной,
Ни ядом клеветы.
И сердца простоты
Ни лестию, ни изменой
Не замарала ты.

Из романа «Евгений Онегин»:

Но муз высокого искусства,
Счастливцев, он не постыдил,
Он в песнях гордо сохранил
Всегда возвышенные чувства,
Порывы девственной мечты
И прелесть важной простоты.

При исчерпывающей ясности ответа добиться искренности в поэзии непросто. Она тоже талант. Искренность тоже дар, тоже талант. Она не делается по заказу. Она есть или её нет. Её можно сдержать, но нельзя вызвать: будет отдавать фальшью», — сказал о пушкинской поэзии Юрий Фёдорович Карякин, известный литературовед, исследователь творчества поэта. Понимание различия между простотой и примитивностью тоже постигается через душевный и творческий труд. Вот слова самого поэта о простоте поэтического слога: «Мы не только не подумали приблизить поэтический слог к благородной простоте, но и прозе стремимся придать напыщенность, поэзию же, освобождённую от условных украшений стихотворства, мы ещё не понимаем».

Поэтическое целомудрие. Чтобы понимать, о чём речь, поэту надо уходить от мелкотемья. Чем весомее темы стихосложения, тем вернее понятна суть целомудрия. Здесь снова и снова нужна зрелость ума, глубокий разбор: что действительно волнует твою поэтическую мысль? Размышляю о выборе тем (мыслей, сумме идей) в прозе и поэзии, Александр Сергеевич написал: «Точность и краткость — вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни чему не служат. Стихи — дело другое (впрочем, в них не мешало бы нашим поэтам иметь сумму идей гораздо познательнее, чем у них обыкновенно водятся). С воспоминаниями о протекшей молодости литература наша далеко не подвинется».

Разбирая вопросы творческого труда, можно написать километры бумаги, но всё удивительным образом уместилось в стихотворении «Пророк». Оно, как в алгебре, главный алгоритм. Алгоритм вдохновенного творческого пути.

Пророк
Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влячился, —
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился.
Перстами лёгкими, как сон,
Моих зениц коснулся он.
Отверзлись вещи зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он, —
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горный ангелов полёт,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный, и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь расскё мечом,
И сердце трепетное вынул,
И угль, пылающий огнём,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп, в пустыне я лежал,
И бога глас ко мне воззал:
«Встань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моею
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

Светлана ГОЛУБЕВА,
член Союза писателей России